

ОДИН

Среда, 9 апреля 1919 года

Что ж, по крайней мере, он был хорошо одет. Галстук-бабочка, смокинг — все как положено. Если уж вам предстоит быть убитым, почему бы не принарядиться.

Отвратительный запах невыносимо драл мне горло. Я закашлялся. Через несколько часов вонять здесь будет нестерпимо — так, что вывернет даже калькуттского торговца рыбой. Я вытащил пачку «Кэпстана», вытряхнул сигарету, прикурил и затянулся, чувствуя, как сладковатый дым прочищает легкие. В тропиках смерть пахнет хуже. Как, впрочем, и все остальное.

Его обнаружил во время обхода маленький худенький *неон**. Бедняга чуть не помер со страху. Спустя час после находки его еще трясло. Тело лежало в темном тупике, одном из тех, что местные называют *гали*, — с трех сторон нависают обветшалые дома, и чтобы увидеть небо, нужно выгнуть шею и посмотреть прямо вверх. Должно быть, у парня хорошее зрение, раз он разглядел человека в такой темноте. А впрочем, не исключено, что он шел на запах.

* В Индии: полицейский из местных жителей.

Тело, изогнутое в нелепой позе, лежало на спине, наполовину погруженное в сточную канаву. Горло было перерезано, руки и ноги неестественно изогнуты, а на крахмальной белой рубашке расплылось крупное бурое пятно. На искалеченной руке не хватало нескольких пальцев, а в одной глазнице не доставало глаза — это последнее святотатство лежало на совести огромных черных ворон, которые сердито наблюдали за нами с ближайших крыш. В общем, не самый достойный конец для *бара-сахиба**.

Но я видал и похуже.

И в довершение там была записка — испачканный кровью обрывок бумаги, скомканный и туго забитый в рот, словно пробка в бутылку. Это был интересный штрих и совершенно для меня новый. Когда думаешь, что уже видел в жизни все, приятно вдруг осознать, что убийца еще способен тебя удивить.

К месту преступления уже стянулся окрестный люд — пестрое сборище зевак, уличных торговцев и домохозяек. Они толкались, напирали и старались подобраться поближе, чтобы хоть одним глазком взглянуть на труп. Как всегда в подобных случаях, новость распространилась мгновенно. Убийства пользуются успехом во всем мире, а здесь, в Черном городе, на зрелище мертвого тела сахиба можно при желании продавать билеты. Я наблюдал, как Дигби рычит на местных констеблей, требуя оцепить участок. Те, в свою очередь, кричали на толпу, а индийские голоса отвечали оскорблениями и насмешками. Констебли бранились, размахивали бамбуковыми *лати*** и наносили удары направо и налево, понемногу оттесняя собравшихся.

* Важный господин, чиновник-британец.

** Длинная бамбуковая палка, используемая в качестве оружия.

Рубашка липла к спине. Еще не было девяти, но жара уже стояла невыносимая, даже в тени переулка. Я опустился на колени возле тела и обыскал его. Внутренний нагрудный карман смокинга слегка топорщился. Я просунул туда руку и извлек содержимое: черный кожаный бумажник, ключи и несколько мелких монет. Ключи и мелочь я опустил в пакет для улик и приступил к осмотру бумажника. Старый, мягкий и поношенный, он, должно быть, когда-то обошелся владельцу в круглую сумму. Внутри обнаружилась фотография женщины, за годы успевшая помяться и обтрепаться по углам. Женщина была молода на вид, лет двадцати, максимум тридцати. Судя по стилю одежды, снимок был сделан довольно давно. Я перевернул его. На обороте были оттиснуты слова: «Феррис и сыновья, Сокихолл-стрит, Глазго». Я сунул фотографию к себе в карман. В остальном бумажник был практически пуст — ни денег, ни визитных карточек, только пара квитанций. Ничего, что указывало бы на личность убитого. Закрыв бумажник и положив в пакет к остальным уликам, я занялся комком бумаги во рту жертвы. Осторожно потянул его, стараясь как можно меньше тревожить тело, — и он легко вышел наружу. Бумага качественная, плотная — такая встречается в дорогих отелях. Я расправил листок. На нем с одной стороны был выведен текст в три строки. Черные чернила. Индийские буквы.

Я окликнул Дигби. Это был худощавый светловолосый сын империи с офицерскими усами. Все в его манерах говорило о том, что он рожден, чтобы править. А еще он приходился мне подчиненным, хотя это и не всегда бросалось в глаза. Дигби служил в Имперской полиции уже десять лет и — по крайней мере, в собственных глазах — был большим специалистом по общению с местным населением. Он подошел ко мне, вытирая потные ладони о китель.

— Убитый сахиб в этой части города — редкость, — сказал он.

— А я-то думал, что убитый сахиб — это в принципе редкость для любой части Калькутты.

Дигби пожал плечами:

— Ты удивишься, приятель.

Я протянул ему клочок бумаги:

— Что об этом думаешь?

Перед тем как ответить, он демонстративно изучил бумагу с обеих сторон.

— Я думаю, что это бенгали. Сэр.

Последнее слово он точно выплюнул. Его можно было понять. Конечно, неприятно, когда тебя обходят с повышением. А когда должность достается чужаку, который только что сошел с корабля, прибывшего из Лондона, наверное, должно быть еще горше. Но это была его проблема, а не моя.

— Ты можешь это прочитать? — спросил я.

— Конечно же, я могу это прочитать. Здесь написано: **«Это последнее предупреждение. Скоро улицы утонут в крови англичан. Убирайтесь из Индии!»**

Дигби вернул мне записку.

— Похоже на дело рук террористов, — предположил он. — Но даже для них слишком дерзко.

Я не исключал, что он прав, но хотел собрать побольше фактов, прежде чем делать поспешные выводы. А главное — мне не понравился его тон.

— Нужно прочесать весь район, — распорядился я. — И нужно выяснить, кто это.

— О, я знаю, кто это, — ответил Дигби. — Его зовут Мако́ли. Александр Маколи. Важная шишка в «Писателях».

— Где?

Лицо Дигби скривилось, словно он проглотил какую-то гадость.

— «Дом писателей», *сэр*, — это административное здание правительства Бенгалии и солидной части остальной Индии. Маколи там один из... или, вернее, был одним из важнейших лиц. Советником губернатора, не меньше. Это все больше и больше похоже на убийство по политическим мотивам, правда, приятель?

— Просто начинай прочесывать район, — вздохнул я.

— Слушаюсь, *сэр*, — ответил Дигби и отдал честь.

Он огляделся и остановил взгляд на молодом сержанте из местных. Индеец стоял чуть в стороне и сосредоточенно смотрел вверх, на одно из окон, выходявших в переулок.

— Сержант Банерджи! — крикнул Дигби. — Подойдите, пожалуйста.

Индеец обернулся, вытянулся по стойке смирно, затем поспешно приблизился и отдал честь.

— Капитан Уиндем, — сказал Дигби, — позвольте представить вам Несокрушима Банерджи, сержанта. Вне всяких сомнений, сержант — один из лучших новых служащих Имперской полиции его величества, а также первый в истории индеец, попавший в тройку лучших по итогам вступительных экзаменов.

— Впечатляюще! — ответил я, потому что действительно был впечатлен, а также потому, что, судя по тону Дигби, сам он впечатлен не был.

Сержант явно чувствовал себя неловко.

— Такие, как он, — продолжал Дигби, — это плоды новой политики правительства, желающего увеличить число местных во всех департаментах, помоги нам Господь.

Я повернулся к Банерджи. Это был худенький паренек с тонкими чертами лица. Люди подобного типажа и в возрасте за сорок выглядят подростками. Нетипичная физиономия для копа. Он казался серьезным и в то же время взволнованным. Гладкие черные волосы были аккуратно

расчесаны на косо́й пробор, а круглые очки в стальной оправе придавали ему ученый вид. Он скорее походил на поэта, чем на полицейского.

— Сержант, я хочу, чтобы тут все осмотрели самым тщательным образом.

— Конечно, сэр, — ответил он с таким произношением, словно только что прибыл из гольф-клуба в Суррее. Его речь была гораздо более английской, чем моя. — Что-нибудь еще, сэр?

— Еще один вопрос, — сказал я. — Что вы разглядывали там, наверху?

— Я заметил там женщину. — Сержант моргнул. — Она наблюдала за нами.

— Банерджи, — вмешался Дигби, большим пальцем указывая на толпу, — за нами, черт возьми, наблюдают человек сто, не меньше.

— Да, сэр. Но эта дама была напугана. Заметив меня, она замерла, а потом скрылась из виду.

— Хорошо, — сказал я. — Организуйте розыск, а потом мы с вами отправимся туда и посмотрим, нельзя ли побеседовать с вашей дамой.

— Не думаю, что это хорошая мысль, приятель, — возразил Дигби. — Я должен тебе кое-что рассказать о местных и об их нравах. Если мы будем задавать вопросы их дамам, они могут отреагировать несколько неожиданно. Ты вломишься туда, чтобы допросить какую-нибудь женщину, и не успеешь оглянуться, как поднимется мятеж. Давай, может, лучше я этим займусь.

Банерджи неловко переступил с ноги на ногу.

Дигби нахмурился:

— Вы что-то хотели сказать, сержант?

— Нет, сэр, — извиняющимся тоном ответил Банерджи. — Просто я сомневаюсь, что кто-нибудь станет устраивать мятеж, если мы войдем в этот дом.

Голос Дигби дрогнул:

— И почему же вы так считаете?

— Сэр, — сказал Банерджи, — я совершенно уверен, что это бордель.

Час спустя мы с Банерджи стояли у дверей дома номер сорок семь по Маниктолла-лейн, обветшалого двухэтажного здания. Уж в обветшалых зданиях в Черном городе точно не было недостатка. Казалось, весь район состоит из этих ветхих перенаселенных жилищ, кишаших людьми. Дигби как-то высказывался по поводу местной нищеты и убожества, но, сказать по правде, был в этих постройках некоторый колорит, своеобразное жалкое очарование, подобное очарованию районов Уайтчепел или Степни*.

Когда-то дом был выкрашен в жизнерадостный ярко-голубой цвет, но краска давно пала в бою с безжалостным солнцем и муссонными дождями. Теперь от нее оставалось лишь несколько бледных следов, выцветших голубых полосок на покрытой плесенью зеленовато-серой штукатурке — исчезающее свидетельство более благополучных времен. Кое-где штукатурка отвалилась, обнажив изъеденную временем рыжую кирпичную кладку. Из трещин пробивались сорняки. Над нашими головами из стены торчали пугающие останки балкона, похожие на кривые зубы обломки железных перил обвивала густая листва. Входная дверь представляла собой ряд грубых, плохо подогнанных досок. С нее краска тоже давно облупилась, открыв темное, порченое жучками дерево.

Банерджи поднял лати и громко постучал.

Изнутри не донеслось ни звука.

Он оглянулся на меня.

* Уайтчепел и Степни — во время действия романа — бедные районы Лондона.

Я кивнул.

Он снова забарабанил в дверь:

— Откройте! Полиция!

На этот раз изнутри донесся приглушенный голос:

— *Асчи! Асчи!** Сейчас!

Звуки. Шарканье спешащих ног, затем кто-то завозил-ся с засовом. Хлипкая деревянная дверь сдвинулась, заскрипела — и наконец приоткрылась. Перед нами, согнувшись, как знак вопроса, стоял сморщенный старик-индеец с копной спутанных серебристых волос. Темная кожа, тонкая, как пергамент, свисала с его худого скелета, придавая ему сходство с хрупкой экзотической птицей. Старик поднял взгляд на Банерджи и расплылся в беззубой улыбке:

— Ну, *баба*** , чего тебе нужно?

Банерджи повернулся ко мне:

— Сэр, наверное, будет проще, если я объясню ему на бенгали.

Я кивнул.

Банерджи заговорил, но старик, судя по всему, его не расслышал. Сержант повторил все сначала, на этот раз громче. Тонкие брови старика растерянно сдвинулись. Понемногу выражение его лица изменилось, вернулась улыбка. Он исчез, и через секунду дверь отворилась целиком.

— *Ашун!* — сказал он Банерджи, а затем обратился ко мне: — Ходи, сахиб. Ходи. Ходи!

Старик шаркал впереди нас по длинному темному коридору. Здесь было прохладно, в воздухе висел тяжелый запах благовоний. Мы шли следом, гулко стуча ботинками по начищенному мрамору. Обстановка была изысканной, почти богатой, и резко контрастировала с запущенным фаса-

* Иду! Иду! (*бенг.*)

** Отец (также используется как уважительное обращение, *бенг.*).

дом здания. Словно мы вошли в какую-нибудь дверь в Майл-Энде и вдруг оказались посреди шикарного дома в районе Мейфэр*.

В конце коридора старик остановился и жестом пригласил нас в просторную, роскошно обставленную гостиную. Элегантные диваны в стиле рококо, на них ворох шелковых подушек с восточным орнаментом. На дальней от нас стене над шезлонгом, обтянутым красным бархатом, с картины в красивой раме невозмутимо смотрел сверкающий драгоценностями индийский принц на белом коне. Огромный зеленый *панка*** размером с обеденный стол неподвижно свисал с потолка. Из окна, выходившего во внутренний двор, в комнату струился свет.

Где-то тикали часы. Я порадовался небольшой передышке. Прошло уже больше недели, а я до сих пор не мог акклиматизироваться. Дело было не только в жаре. Тут присутствовало еще что-то. Что-то бесформенное и неуловимое. Нервозность, проявлявшаяся в виде боли в затылке и тоскливой тошноты. Казалось, на меня плохо действует сама Калькутта.

Несколько минут спустя дверь открылась и в комнату вошла индийская дама неопределенно-деликатного возраста. Старик следовал за ней преданным псом. Мы с Банерджи встали. Для своих лет женщина была весьма привлекательна. Лет двадцать назад она наверняка была красавицей. Пышные формы, кожа цвета кофе, карие глаза, подведенные черным. Волосы дамы были расчесаны на прямой пробор и стянуты в тугий узел. На лбу сияло алое пятнышко. Одея она была в сари из ярко-зеленого прозрачного шелка с каймой, расшитой золотыми птицами. Из-под него проглядывала шелковая блуза, оставлявшая обнаженной талию.

* Аристократический район Лондона.

** Панка — потолочное опахало; ткань, натянутая на деревянную раму. Приводился в движение с помощью веревки.

Руки украшали несколько золотых браслетов, шею обвивало тонкой работы ожерелье, тоже из золота, с мелкими зелеными камушками.

— *Намаскар**, господа, — сказала дама, сложив ладони в приветствии. Браслеты на ее запястьях тихо звякнули. — Прошу, садитесь.

Я вопросительно взглянул на Банерджи. Не эту ли женщину он видел в окне? Он помотал головой.

Дама представилась как миссис Бозе, хозяйка дома.

— Мой слуга говорит, у вас есть какие-то вопросы?

Она подошла ближе и грациозно опустилась в шезлонг. Как по мановению руки, огромный панка на потолке пришел в движение, посылая вниз прерывистые волны вожделенного ветерка. Миссис Бозе нажала на небольшую медную кнопку, расположенную рядом с шезлонгом. В дверях беззвучно появилась служанка.

— Вы ведь выпьете чаю? — спросила миссис Бозе. Не дожидаясь ответа, она обернулась к служанке и распорядилась: — Мина, ча.

Служанка ушла так же бесшумно, как и появилась.

— Итак, — продолжила миссис Бозе, — чем могу вам помочь, господа?

— Я капитан Уиндем, — представился я. — А это — сержант Банерджи. Полагаю, вам известно, что в переулке рядом с вашим домом случилась... неприятность?

Она вежливо улыбнулась.

— Ваши констебли так шумят, что, думаю, уже всему *на́ра*** известно, что, как вы говорите, случилась неприятность. Может быть, вы расскажете мне, что же, собственно, произошло?

— Убит человек.

* Индийское приветствие.

** Району (*бенг.*).